

Какими ничтожными кажутся здѣсь всѣ людскія заботы и пережитія волненія жизненныхъ бурь, когда въ душѣ вновь воскресаютъ давно забытые дорогіе образы, и просыпаются крылатыя чистыя грезы... Трудно от

рачной развертывающейся какимъ-то слиянія лучей, крапаящей сердце восторга и трепет

По подошвѣ М ровывающій своетѣнистый Эмануэл тораго, въ уступѣ куда ведетъ зиг-одиноко ютится монтова — «алтари веній», подъ снѣг дилъ себѣ уединен

Здѣсь онъ мысл и вдохновлялся, л-стиею перспекти

Среди сутолоки п неизбѣжныхъ забот смѣняющихся дру-явленій — когда кои-ный день; когда і-глухой рокотъ засыпающаго многолюднаго города; когда тихая, мистически-задумчивая ночь, рѣя надъ землею, нашепты-ваетъ людямъ мирныя пѣсни объ отдыхѣ; когда въ изстрадавшееся, измученное болью сердце, заглушая душевный хаосъ, закрадывается сладостная истома; когда скрытыя въ тайникахъ его лучшія струны, тронутыя вспышкой вдохновенія, наполняютъ тихими беззвучными волнами при-мирающей музыки, — въ капризной памяти крылатую свѣтлую грезою, во всей своей чарующей прелести, выступаетъ когда-то пережитый мною поэтический вечеръ...

Я вышелъ прогуляться...

Острове́рхній пятигла́вый Бенштау причудливо обрисовывался нѣжно-фіолетовою массою на синемъ пологѣ вечерняго неба, скрывая за собою ярко блестящую золотомъ царственную корону солнышка, разсыпавшаго снопы золотисто-багровыхъ лучей... Расцвѣтывшаяся солнечнымъ закатомъ граціозная Машука неудержимо-властно тянула къ себѣ, приковывая взоръ къ знакомому утесу... Я невольно заглядѣлся на него, вспомнивъ о гротѣ, и передъ моимъ умственнымъ взоромъ, волшебною оживая, выступила призрачная, задумчивая тѣнь убитаго любимаго поэта...

Полный гордаго величія, духъ его тѣсно связанъ съ граціозною, могучею кавказскою природою. Поэтъ понималъ ее и сроднился съ ней... Въ ея очертаніяхъ, перебивахъ красокъ — настроеніе и образы поэта, поэзія котораго, проникнутая образами, полными волшебной таинственности, мощи и силы, такъ же грандіозна и величественна, какъ эти горы, въ вѣчное царство которыхъ всегда стремилась его великая душа...

Черезъ нѣсколько минутъ я уже былъ на взгорьѣ, у Елисаветинскаго источника, вблизи знакомаго милаго грота, откуда взору моему открывался дивный ландшафтъ...

Внизу — среди золотистой зелени — красиво раскинулся, слегка затушеванный вечерними голубыми сумерками, Пятигорскъ...

Облитыя золотисто-розовымъ свѣтомъ заката вершины деревьевъ тонули въ бездонной синевѣ неба. Далеко, на краю меркнувшаго синяго небосклона, слегка тронутые розовымъ отблескомъ вечерней

зари, подымались хребты бѣлоснѣжныхъ горъ во главѣ съ двухглавымъ величественнымъ Эльбрусомъ...

Дивные переливы красокъ, свѣтовые аффекты меркнущихъ лучей, безбрежная

Бюро газетныхъ вырѣзокъ
Надеждинская, 32.

Вспоминикъ Русскаго Собрания
НАЗВ. ГАЗЕТЫ
МѢСТО ВЫХОДА В. И. Буртъ
ДАТА И № 8 24 910

В. ф. Коммиссаржевская.

Талантъ, большой талантъ похитила жестокая смерть. Въ Ташкентѣ 9-го февраля въ расцвѣтѣ жизненныхъ силъ скончалась знаменитая русская драматическая артистка Вѣра Федоровна Коммиссаржевская, дочь нѣкогда знаменитаго тенора Коммиссаржевскаго, одного изъ интеллигентнѣйшихъ артистовъ нашей оперной сцены, отъ котораго безвременю скончавшаяся артистка Вѣра Федоровна наслѣдовала и драматическій талантъ и прекрасный голосъ, а главное артистичность натуры.

Появилась В. Ф. впервые на театраль-ныхъ подмосткахъ на югѣ, кажется въ Новочеркасскѣ или Ростовѣ-на-Дону и сразу сдѣлалась любимицей публики. Лѣтъ 15-ти тому назадъ пріѣхала В. Ф. на гастроль въ Озерковский театръ на лѣтній сезонъ и отсюда замѣченная критикой получила приглашеніе на зимній сезонъ въ Вильну. Въ день появленія В. Ф. Коммиссаржевской въ Вильнѣ была напечатана моя статья о ней въ «Виленскомъ Вѣстникѣ», редакторъ П. Бывалькевичъ сочувственно отозвался на другой день о первомъ выходѣ артистки, мѣстная публика приняла артистку весьма сочувственно и она скоро стала любимицей. Жизненность передачи, нѣжная грація, подкупающій темпъ голоса, молодой гибкій талантъ В. Ф. Коммиссаржевской сразу выдвинули ее среди очень хорошаго подобранаго ансамбля. Какой-то чарующей свѣжестью вѣяло отъ юнаго гибкаго граціознаго созданія, проникновенно, обдуманно изображавшаго героинь тогдашняго репертуара, полного драматизма, разочарованности, безысходнаго горя. Премьерша Коммиссаржевская захватывала театръ неподдѣльнымъ чувствомъ, естественностью и искренностью, образы ею создаваемые, прелѣдовали зрителя, покинувшего театръ, будили въ немъ лучшія чувства, заставляли задумываться, разбираться въ сложныхъ запросахъ выдвигаемыхъ жизнью. Виленскіе триумфы В. Ф. обратили на нее вниманіе тогдашняго директора Императорскихъ театровъ кн. Волконскаго и молодая артистка была приглашена на сцену Александринскаго театра. Въ это время на нашей образцовой сценѣ въ расцвѣтѣ своихъ талантовъ

Какими ничтожными кажутся здѣсь всѣ людскія заботы и пережитыя волненія жизненныхъ бурь, когда въ душѣ вновь воскресаютъ давно забытые дорогіе образы, и просыпаются крылатыя чистыя грезы... Трудно оторвать взоры отъ призрачной развертывающейся картины, являющейся какимъ-то убаюкивающимъ хаосомъ сліянія лучей, красокъ и звуковъ и наполняющей сердце чувствомъ беззавѣтнаго восторга и трепетными чарами...

По подошвѣ Машуки раскинулся очаровывающій своею дикой горной красотой тѣнистый Эмануэлевскій паркъ, внизу котораго, въ уступѣ крутой, угрюмой, скалы, куда ведетъ зигзагообразная тропинка, одиноко ютится осиротѣлый гротъ Лермонтова — «алтарь священныхъ вдохновеній», подъ сѣнью котораго поэтъ находилъ себѣ уединеніе и отдых...

Здѣсь онъ мыслить и страдалъ, мечталъ и вдохновлялся, любуясь безподобною блестящею перспективою...

Среди суетолюки и неизбѣжныхъ заботъ смѣняющихся другъ друга явленій — когда какой-нибудь день; когда и глухой рокотъ за стѣнами города; когда тихая ночь, рѣзаетъ людямъ миръ; когда въ изстрадавшемъ сердце, заглазливается слава, скрытая въ тайникѣ тронутыя восторгомъ и тихими безмятежной музыки, крылатою свѣтлою чарующей прелести, выступаетъ когда-то пережитый мною поэтический вечеръ...

Я вышелъ прогуляться...

Островерхній пятиглавый Бештау причудливо обрисовывался нѣжно-фіолетовою массою на синемъ пологѣ вечерняго неба, скрывая за собою ярко блещущую золотомъ царственную корону солнышка, разсыпавшаго снопы золотисто-багровыхъ лучей... Расцвѣтившаяся солнечнымъ закатомъ граціозная Машука неудержимо-властно тянула къ себѣ, приковывая взоръ къ знакомому утѣсу... Я невольно заглядѣлся на него, вспомнивъ о гротѣ, и передъ моимъ умственнымъ взоромъ, волшебю оживая, выступила призрачная, задумчивая тѣнь убитаго любимаго поэта...

Полный гордаго величія, духъ его тѣсно связанъ съ граціозною, могучею кавказскою природою. Поэтъ понималъ ее и сроднился съ ней... Въ ея очертаніяхъ, переливахъ красокъ — настроеніе и образы поэта, поэзія котораго, проникнутая образами, полными волшебной таинственности, мощи и силы, такъ же грандіозна и величественна, какъ эти горы, въ вѣчное царство которыхъ всегда стремилась его великая душа...

Черезъ нѣсколько минутъ я уже былъ на вѣгерьѣ, у Елисаветинскаго источника, вблизи знакомаго милаго грота, откуда взору моему открывался дивный ландшафтъ...

Внизу — среди золотистой зелени — красиво раскинулся, слегка затуманенный вечерними голубыми сумерками, Пятигорскъ...

Облитыя золотисто-розовымъ свѣтомъ заката вершины деревьевъ тонули въ бездонной синевѣ неба. Далеко, на краю меркнувшаго синяго небосклона, слегка тронутые розовымъ отблескомъ вечерней

зари, подымались хребты бѣлоснѣжныхъ горъ во главѣ съ двухглавымъ величественнымъ Эльбрусомъ...

Дивные переливы красокъ, свѣтовые эффекты меркнувшихъ лучей, безбрежная синева неба, изумрудная зелень долинъ, теряющихся въ таинственной блѣдно-лиловой дали, причудливыя очертанія далекихъ сине-розовыхъ, неподвижно застывшихъ горныхъ вершинъ — возбуждали восторженное настроеніе...

Эта грандіозная величественная картина влекла меня душой въ волшебную область мечты и грезы...

Подъ влияніемъ нахлынувшихъ на меня впечатлѣній, полныхъ поэтической прелести, мнѣ вспомнились знакомые стихи любимаго поэта и черезъ минуту я уже находился во власти ихъ плѣнительныхъ чаръ...

Счастливымъ пережитымъ у грота рѣдкими, дорогими минутами непосредственной жизни, разставаясь съ нимъ, я благосло-

драматическій талантъ и прекрасный голосъ, а главное артистичность натуры.

Появилась В. Ф. впервые на театральныхъ подмосткахъ на югѣ, кажется въ Новочеркасскѣ или Ростовѣ-на-Дону и сразу сдѣлалась любимицей публики. Лѣтъ 15-ти тому назадъ пріѣхала В. Ф. на гастроли въ Озерковский театръ на лѣтній сезонъ и отсюда замѣченная критикой получила приглашеніе на зимній сезонъ въ Вильну. Въ день появленія В. Ф. Коммиссаржевской въ Вильнѣ была напечатана моя статья о ней въ «Виленскомъ Вѣстникѣ», редакторъ П. Бывалькевичъ сочувственно отозвался на другой день о первомъ выходѣ артистки, мѣстная публика приняла артистку весьма сочувственно и она скоро стала любимицей. Жизненность передачи, нѣжная грація, подкупающій темпъ голоса, молодой гибкій талантъ В. Ф. Коммиссаржевской сразу выдвинули ее среди очень хорошаго подобранаго ансамбля. Какой-то чарующей свѣжестью вѣяло отъ юнаго гибкаго граціознаго созданія, проникновенно, обдуманно изображавшаго героинь тогдашняго репертуара, полного драматизма, разочарованности, безысходнаго горя. Премьерша Коммиссаржевская захватывала театръ неподдѣльнымъ чувствомъ, естественностью и искренностью, образы ею создаваемые, преслѣдовали зрителя, покинувшаго театръ, будили въ немъ лучшія чувства, заставляли задумываться, разбираться въ сложныхъ запросахъ выдвигаемыхъ жизнью. Виленскіе триумфы В. Ф. обратили на нее вниманіе тогдашняго директора Императорскихъ театровъ кн. Волконскаго и молодая артистка была приглашена на сцену Александринскаго театра. Въ это время на нашей образцовой сценѣ въ расцвѣтѣ своихъ талантовъ

главенствовали; М. Г. Савина, покойная Жулева, Н. В. Васильева, В. Н. Давыдовъ, К. А. Варламовъ, Н. Ф. Сазоновъ, В. П. Далматовъ и болѣе молодые Апиолонскій и Дальскій. В. Ф. Коммиссаржевская сразу заняла первое мѣсто среди этихъ корифеевъ Александринки, публика сразу полюбила артистку... Закулисныя интриги и новый директоръ театровъ выжили талантливую Коммиссаржевскую, на мѣсто которой переведена была изъ Москвы посредственная артистка, пользовавшаяся вниманіемъ г. Теляковского... Талантъ настоящій не легко убить и В. Ф. Коммиссаржевская создала свой собственный театръ. Къ сожалѣнію ея главные сотрудники были жиды, которые опутали несчастную женщину и сколько не зарабатывала артистка, все шло неизвѣстно куда. Никто изъ ближайшихъ сотрудниковъ и помощниковъ В. Ф. Коммиссаржевской не былъ достоинъ ея, никто изъ этихъ жалкихъ паразитовъ не оцѣнилъ въ ней ея выдающагося таланта, ея чудной души, никто въ ней не оцѣнилъ женщину, въ страдавшую много въ жизни.

Умерла В. Ф. въ Ташкентѣ, заразившись оспой въ Самаркандѣ во время прогулки на мѣстномъ базарѣ, куда артистка отправилась съ цѣлю познакомиться поближе съ мѣстными нравами и населеніемъ.

Лучшіе театральные критики все любили Коммиссаржевскую, статьи появившіяся до сихъ поръ въ печати, полны глубокаго чувства и преклоненія передъ похищеннымъ безжалостной смертью талантомъ, но до сихъ поръ еще не появилось обстоятельнаго некролога, въ которомъ бы достойно охарактеризована была эта выдающаяся служительница чистаго искусства. Думаю, что въ исторіи русскаго театра имя Вѣры Федоровны Коммиссаржевской займетъ одну изъ яркихъ страницъ. Мнѣ случайно пришлось услышать отъ одной начинающей и талантливой артистки задушевный искренній отзывъ о почившей, который юная служительница искусству закончила словами: «лучше бы я умерла, чѣмъ милая Вѣра Федоровна, вѣдь такіе таланты рождаются не часто»... Въ Москвѣ памяти В. Ф. посвящены были особые траурныя утра въ Художественномъ театрѣ, а въ бюро Императорскаго театрального общества была отслужена панихида. Панихиды были также отслужены въ Церкви Спб. театрального училища, на которой присутствовали артисты Александринскаго театра, въ Театральномъ клубѣ, въ Обществѣ Народныхъ Университетовъ и въ Исаакіевскомъ соборѣ, театральной школѣ имени А. С. Суворина.

Такъ какъ жиды эксплуатировали В. Ф. Коммиссаржевскую, то они всячески старались втянуть артистку въ политику, навязывали ей кличку лѣваго товарища, но какъ не липли наглые жидаины къ талантливой женщинѣ все они были ей чужды, какъ чужды всякому порядочному человѣку комыя липкой грязи на сапогахъ, которую хочется скорѣе отряхнуть...

Последними пьесами, въ которыхъ появилась В. Ф. въ Ташкентѣ были: «Безприданница» и «Вой бабочекъ». Первую пьесу нельзя смотрѣть, чтобы не вспомнить Вѣру Федоровну... Нѣжно трогательный образъ Безприданницы — Коммиссаржевской живетъ въ памяти тѣхъ, кто видѣлъ артистку въ этой роли, а въ ушахъ звучать дивныя звуки ея чарующаго грудного голоса, какъ-то особенно фразировавшаго извѣстный романсъ: «Онъ говорилъ мнѣ

будь ты моею». Рыдающіе звуки гитары и полные невыразимаго страданія слова пѣсни: «Вѣдному сердцу такъ говорилъ онъ», положительно надрывали сердце слушателей и вызывали искреннія слезы.

Да будетъ стыдно всемъ тѣмъ, кто такъ или иначе ставилъ препоны таланту, кто причинилъ боль изстрадавшемуся сердцу дорогой, нѣжной, женственной натурѣ, съ мощью юнаго льва боровшейся съ жизнью и гнусными людьми. Сколько талантовъ загубила дирекція Императорскихъ театровъ и какъ на несчастье таланты загублены все русскіе. Театры наши кишатъ жидами, губящими нашу оперу и драму, кого теперь смотрѣть и слушать. Законченными артистами могутъ называться лишь старики и старухи, а изъ молодыхъ выдвигаютъ тѣхъ кто, по наглѣ и умѣетъ быть любезными съ гнусными сладострастными павіанами, считающими труппы Императорскихъ театровъ своими гаремами. Когда же этому будетъ конецъ..

А. Ловандъ.

На смерть В. Ф. Коммиссаржевской.

Ты умерла... уснула вѣчнымъ сномъ,
Любимица толпы, товарищъ, другъ собратъ,
Другъ истинный своихъ артистовъ — братьевъ..
Ты умерла... и слезы, плачъ кругомъ..
Ты умерла... но съ смертію Твоей
Живуть и будутъ жить всегда воспоминанья,
Заслуги, Твой талантъ, Тобой очарованья
И память лучшихъ, свѣтлыхъ дней..

Е. В. Минтѣва.

РУССКОЕ СОБРАНІЕ.

— Засѣданія Совѣта состоялись 11 и 15 февраля с. г.

— Членъ повѣрочнаго отдѣла и примочной комиссіи по дому Ф. П. Ивановъ, за выѣздомъ изъ С.-Петербурга, вышелъ изъ состава отдѣла и комиссіи.

— Членъ Собранія Анна Васильевна Степанова пожертвовала для церкви Русскаго Собранія три колокола.

— Въ субботу, 27 февраля, въ помѣщеніи Собранія состоится концертъ и балъ Русской Академической корпораціи студентовъ Императорскаго С.П.В. Университета. Помѣщеніе Совѣтомъ уступлено безвозмездно.

И. д. Эстляндскаго губернатора обратился въ Совѣтъ съ просьбой помочь Пюхтицкому женскому монастырю, пострадавшему отъ пожара. Монастырь этотъ въ честь Успѣнія Пресвятой Богородицы находится близъ м. Пюхтицы, Везенбергскаго уѣзда, и представляетъ собой единственную православную обитель въ Эстляндской губерніи. Въ монастырѣ находится чудотворная, высокочитимая населеніемъ икона Пюхтицкой Божьей Матери.

На дняхъ въ этомъ монастырѣ сгорѣлъ монастырскій корпусъ, являвшійся убѣжищемъ и кровомъ для многихъ монахинь. Вѣдный средствами и скудно обставленный монастырь оказался въ тяжеломъ положеніи, выйти изъ котораго безъ помощи со стороны не представляется возможнымъ, а посему всякое пожертвованіе, какъ-бы мало оно не было, будетъ принято съ глубокой благодарностью.

— 3-й очередной обѣдъ членовъ Русскаго Собранія состоится въ воскресенье 28 февраля, въ 6 ч. вечера. Подписка по 4 р. съ прибора. Хозяйственный нарядъ просить г.г. членовъ, желающихъ участвовать на этомъ обѣдѣ, посѣпшить записью и вносить подписныхъ денегъ.